

Поэзия — это красота и гармония окружающего нас мира и внутреннего мира человека, воплощенная в Слове, в стихах, и воздействующая на наши органы чувств, и доставляющая нам эстетическое наслаждение, и вызывающая в нас высокие, благородные порывы и стремления.

Для меня поэзия — это еще и некая вторая реальность, в которой я витаю душой в поисках своих художественных средств самовыражения.

Первым поэтом, который оказал на меня влияние в мои школьные годы, был мой великий земляк Сергей Есенин. Потом поэты XIX века —

Тютчев, Лермонтов, Пушкин, Грибоедов, Баратынский, Крылов, Некрасов, Кольцов, потом Маяковский, потом Блок, поэты-шестидесятники, Рождественский, Евтушенко, Вознесенский, а также Солоухин, Гамзатов, Сильва Капутикян, Юлия Друнина. В мою студенческую литинститутскую пору к ним добавились поэты Серебряного века Бальмонт, Гумилев, Ахматова, Цветаева, Северянин, Мандельштам, зарубежные поэты Гейне, Беранже, Бернс, Уитмен, Верлен, Рембо, Бодлер, Вийон, позже все мои старшие собратья и сосестры по перу, с которыми судьба сводила меня на

большой литературной дороге и которые помогали мне идти по ней, — Старшинов, Дементьев, Бокков, Тарковский, Жирмунская, Ковальджи, Юрий Кузнецов, Казакова и много кто еще. И поэты моего поколения, а потом и более молодого. Мой девиз — «Петь по-свойски, даже как лягушка!» и «Не попасть под чье-то влияние, как под трамвай», от чего остерегал нас, своих семинаристов, литинститутский руководитель творческого семинара Евгений Долматовский, у которого я занималась и который тоже оказал на меня свое (не пагубное) влияние.

Нина Краснова

* * *

Когда пробьет последний час природы...

Федор Тютчев

Когда, людей за их грехи карая,
Устроит Бог «последний Катаклизм»,
Их не спасет, дошедших всех до края,
Ни православье, ни католицизм...

Но так людей карать из чувства мести
За их грехи?! — нельзя никак Ему.
Религия погибнет с ними вместе,
И Бог не будет нужен никому.

* * *

Сейте разумное, доброе, вечное...

Николай Некрасов

Под гимны соловья
Работай не лениво.
У каждого своя
Непаханая нива.

Девиз запомни сей:
Господь с тобою, с нами!
Участок свой засеи
Своими семенами

И здесь везде, и тут,
Не ждя своей погоды.
И семена взойдут,
Дадут такие всходы.

Крестьянского труда
Не бойся. Как Есенин!
И, может быть, тогда
Твой будет труд оценен.

Судьбе не возражай,
В тень уходя, в потемки:
Твой славный урожай
Пожнут твои потомки.

* * *

Век девятнадцатый, железный,
Воистину жестокий век!..

Александр Блок

В России какие века не жестоки?
Двадцатый особенно страшен, жесток:
Он прошлых культур уничтожил истоки
И дал на высокий взобраться шесток

Грядущему хаму, который из рая
Что сделал? И, Бога не видя в упор
И всех не подобных себе — презирая,
Святые иконы бросал под топор

И классиков прошлого сбрасывал в реку.
Духовная к власти пришла нищета.
Но век двадцать первый двадцатому веку
Предъявит, предъявит за это счета,

Ему не прощая мозгов притупленья
Народных, на личности все не сводя,
Накажет его за его преступленья.
И все возвратится на круги своя.

АХМАТОВА

...я не прекрасная больше...
...я не молода.

Анна Ахматова

Фарфоровый идол, Ахматова Анна,
Ты раньше была же собою горда.
Какая же ты не прекрасная? Странно.
Прекрасная ты, несмотря на года.

Я рифмой при свете пишу перекрестной,
Волос у тебя не считая седых.
Ты даже и в старости будешь прекрасной,
Прекрасней соперниц своих молодых.

ДЕЛЬМАС В ШАХМАТОВЕ

Танцевала в усадьбе артистка Дельмас.
Для кого, для кого танцевала — для масс?
Не для масс — танцевала для Блока она
И едва не сломала каблук, у окна
Па выделявая Карменные,
Сделав бантиком губки карминные.

И стучало под кофточкой сердце Дельмас,
Для поэта стучало оно — не для масс,
И кипела под кожей черная кровь.
И росла у поэта любовь, как морковь,
Как тюльпан, как камыш у мостика,
И сгущалась поэзии мистика...

ПАМЯТНИК ГРИБОЕДОВУ ОКОЛО СТАНЦИИ МЕТРО «ЧИСТЫЕ ПРУДЫ»

Россию не предав и не продав
И не пропив и в карты не продув,
Стоит в Москве у Чистых он прудов,
С себя заботы сбросил, сто пудов,

И смотрит на прохожих с постамента,
Свидетель всех свиданий их и встреч,
И, зная важность каждого момента,
В себя вбирает их язык и речь.

Любил ли Грибоедов есть грибы?
И пробовал ли в жизни «Совиньон»?
И на себе таскал ли он гробы
Своих друзей? Не этим славен он.

Он шлет привет воздушный Тегерану,
Где он работал в качестве посла
И заработал не от тигра рану
И много ран. И умер. Но спасла

Его для новых, будущих времен,
Спасла Фортуны верная рука.
И умер он не весь. В числе имен
Прославленных людей вошел в века.

Он смотрит на киоски масс-печати,
На корешки и переплеты книг:
«Какие книги мне бы почитать?» —
Он не читал лет двести никаких.

Он мог бы написать стихов — тома!
А написал один не толстый том,
Одну поэму — «Горе от ума».
Она о том, что горе от ума
Любому, кто с талантом и умом.

ПАМЯТНИК МЕРКУРОВА ДОСТОЕВСКОМУ НА БЫВШЕЙ БОЖЕДОМКЕ

Игорю Волгину

Во дворе больницы бывшей Мариинской
Он, зачавшийся в утробе материнской,

В центре клумбы вырос в образе скульптуры,
Русский гений мировой всея культуры.

Вечный каторжник пера, великой прозы,
В робкой позе он стоит без всякой позы.

В нем и что-то есть смиренное, смирительное,
В нем и что-то есть тревожно-осмотрительное,

И униженное есть и оскорбленное,
И от грязи жизни плохо отскобленное,

В нем и что-то есть святое и порочное,
И трагичное такое и пророчное,

И такое изумленно-озирайское:
Это что за место здесь такое райское?

Сам себя за преступленья человечества
Наказавший, сын свихнутого Отечества.

Кротко руки на груди своей сложивший
И помилованье Божье заслуживший,

Он стоит жальчее жертвы Карабаха,
И смирительная вон на нем рубаха.

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ

Памяти моей мамы

Приезжала ты ко мне на День Родительский,
Выполняя материнский долг радетельский.
Ты ко мне в Лесную школу приезжала
И меня приятно этим поражала.

Мы в тенечек шли под елкою, осинкою,
На тебя взглянуть слетались дятлы с ветки.
Ты была легко подвязана косынкою —
Летней, пестрой, радостной расцветки.

Вся лесною ты была, была озарною,
В светлом платье с рукавами на резинке,
И меня клубникой вкусною, базарною
Угощала из раскрашенной корзинки.

Я кажусь тебе с небес Всевышних точкою?..
Я машу тебе рукою и мертвею...
Я была твоею маленькою дочкою,
Я была и остаюсь твоею — ею.

Я к тебе, смотри, приехала в Солотчу,
На твою могилку, в край лесной, в Лесотчу,
Я приехала к тебе на День Родительский,
Поминальный, вспоминательный, рыдательский.

ДЕВОЧКА В ШОРТАХ

Мы все умрем когда-нибудь...

Татьяна Краснова

По Масловке девочка в шортах шагает модельно,
Ровняет осанку свою и походку и шаг.
Сережки из жести висят и сияют медально,
Висят и сияют у девочки этой в ушах.

А дворник по Масловке прыгает, кошек шугает
И машет метлой и на кошек неумно орет.
А девочка-дивочка так горделиво шагает,
Как будто она никогда-никогда не умрет.

Я и ты

А. Ш.

У коммерческой этой палаточки —
Два счастливица (на джинсах заплаточки) —
Мы с тобою едим ананас.
Бог с улыбкою смотрит на нас.
Я — беляночка, ты — смугленочек.
Я — милашечка, ты — миленочек.
Мы — такая завидная парочка,
Два таких друг для друга подарочка.

* * *

Я в Рязань недавно ездила.
У меня в Рязани есть дела:

Повидать свою дражайшую родню
(Я всегда такому рада дню),
Детский мир ушедший посетить —
И ему потешку посвятить.

И не дать себя кому-то освистать,
И с Есениным гранитным рядом встать
На одну почетную доску,
В кока-коле утопив свою тоску.

И не думая кого-то там сердить,
Памятник себе соорудить,
Свой, нерукотворный, весь из книг,
Свой, из всех моих невыпущенных книг
(Я сказать не знаю как о них).

Я в Рязань недавно ездила.
У меня в Рязани есть дела.